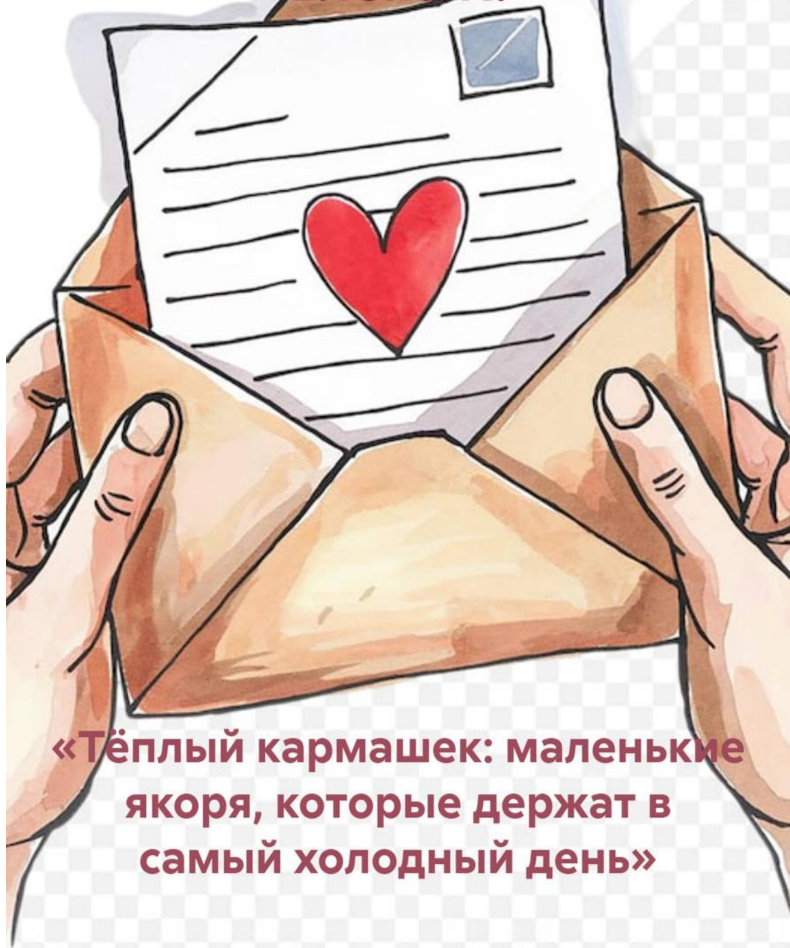

Елена К.

**«Тёплый кармашек: маленькие
якоря, которые держат в
самый холодный день»**

Елена К.

«Тёплый кармашек: маленькие якоря, которые держат в самый холодный день»

<https://litres.ru/74230774>

SelfPub; 2026

Аннотация

«В большом холодном городе простые жесты становятся островками тепла: плед на остановке, варенье в коробке, строчка на чеке, кармашек с памятной мелочью. Герои этой книги — почтальон Борис, учительница Елена, бариста Дима, врач Андрей и другие — не совершают подвигов, но день за днём создают «сеть заботы»: там, где усталость хочется спрятать, они тихо говорят: «Ты имеешь право выдохнуть». Через маленькие ритуалы — письма себе, «тёплые кармашки», «городской шёпот» на стикерах — персонажи учатся бережнее относиться к себе и замечать чужую боль. Это не сборник советов, а череда тёплых историй, в которых каждый найдёт тихий якорь для тяжёлого дня. Книга напомнит: чтобы сделать мир добрее, не нужно менять его целиком — достаточно оставить где-то одно тихое слово: «Ты справляешься». Для тех, кто устал быть сильным, и для тех, кто хочет просто чуть-чуть согреть чужой день.»

Содержание

Глава о совпадениях	4
Глава 1. «Человек, который извинялся за то, что дышит»	6
Глава 3. «Офис, который сегодня притворяется автобусной остановкой»	16
Глава 4. «Тень, которая шепчет: Ты имеешь право»	22
Глава 5. «Письмо, которое не нужно отправлять»	28
Глава 7. «Радость размером с конфету»	38
Глава 8. «Тень, которая смеётся»	44
Глава 9. «День без потом»	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Елена К.
**«Тёплый кармашек:
маленькие якоря,
которые держат в
самый холодный день»**

Глава о совпадениях

Все имена, улицы, кофейни, поликлиники и те самые остановки, где кто-то оставил плед и термос, — вымышлены. Совпадения с реальными людьми, местами и историями случайны.

Но вот что не случайно: то тепло, которое появляется, когда один человек тихо думает о другом. Не ради награды, не для громкого признания, а просто потому, что заметил: кому-то сейчас холодно, тяжело, одиноко. И решил: «Я могу сделать чуть теплее».

Это тепло — настоящее. Его не нужно искать в совпадениях. Оно рождается в самых обычных днях, из самых простых вещей: строчки на чеке, вареники в коробке, письма себе, кармашка с камешком, который греет ладонь.

И если, читая эти истории, ты вдруг захочешь сам оставить где-то маленький тёплый знак — значит, эта книга уже сработала. Не как сборник совпадений, а как приглашение: «Ты тоже можешь быть тем, кто согреет».

Так Кирилл и Арина стали называть себя сами — не всерьёз, а с той лёгкой усмешкой, которой прикрывают что-то очень важное. «Вечерние свидетели»: они не спасали, не чинили, не переделывали чужую жизнь. Они просто помогали человеку заметить, что в ней уже есть хорошее — даже если оно прячется в самой обычной минуте.

Суд Переходов больше не требовал от Кирилла ставить паузы. Теперь его работа была другой: встречать тех, кто перестал видеть свет в конце дня. И показывать, что свет есть — просто он не всегда яркий. Иногда это просто тень от фонаря. Иногда — смех ребёнка во дворе. Иногда — то, как спокойно дышит город, когда суета наконец оседает.

Глава 1. «Человек, который извинялся за то, что дышит»

Офис Суда Переходов сегодня выглядел как переговорная в очень уставшем бизнесцентре: стол с чуть покосившейся ножкой, на стене — календарь за позапрошлый год, а на подоконнике — горшок с растением, которое упорно делало вид, что оно живое. Кирилл подозревал, что растение просто очень старалось не подвести Арину, которая его поливала каждое утро со словами: «Ну ты держись, мы тут все неидеальные».

В дверь постучали. Не уверенно, а так, будто стучащий сам сомневался, имеет ли право издавать звук.

— Войдите, — сказал Кирилл.

Вошёл Игорь — в костюме, который сидел на нём так, будто костюм был куплен в спешке, а потом Игорь вырос из него на полразмера. В руках он держал папку, которую сжимал, как спасательный круг.

— Простите, что я вообще пришёл, — начал он, не успев переступить порог. — Наверное, у вас и без меня дел полно, а я тут со своими... ну, со всем этим. Простите.

Арина, которая как раз пыталась поставить чашку ровно на неровную столешницу, вздохнула, но без раздражения —

скорее как человек, который слышит знакомую мелодию, даже если она каждый раз звучит чуть фальшиво.

— Игорь, — спокойно сказала она, — если ты сейчас ещё раз извинишься за то, что дышишь, я предложу тебе задержать дыхание на минуту. И это будет не шутка.

Игорь замер. Потом нервно хихикнул. Потом покраснел.

— Простите... то есть, я хотел сказать...

— Не надо, — мягко перебила Арина. — Просто поставь папку на стол. И сядь. И если тебе хочется извиниться — извинись за что-нибудь реальное. Например, за то, что вчера наступил комуто на ногу в метро. Но не за то, что ты существуешь. Договорились?

Кирилл молча выдвинул ящик стола, достал оттуда деревянную табличку, отполированную до гладкости от множества прикосновений, и поставил её прямо перед Игорем. На табличке аккуратными буквами было выжжено: «Извините, я просто живу».

— Это наш фирменный сувенир, — пояснил Кирилл. — Мы дарим его тем, кто слишком усердно пытается быть незаметным.

Игорь уставился на табличку, будто это был какойто древний артефакт, смысл которого он должен разгадать, чтобы пройти дальше по сюжету своей жизни.

— Я не хочу быть проблемой, — тихо сказал он. — Я просто... всё время чувствую, что занимаю слишком много места. Что дышу слишком громко. Что если я скажу что-то не

то, мир как будто обидится.

Арина села напротив, чуть наклонив голову, как делают люди, которые умеют слушать не ушами, а всем телом.

— Знаешь, — сказала она, — мир не такой обидчивый, как нам кажется. Он огромный. В нём полно места для всех. для тех, кто громко дышит, для тех, кто роняет папки, для тех, кто опаздывает на минуту, потому что застрял в лифте с человеком, которому нужно было просто поговорить. Мир не рушится от того, что ты здесь. Он даже рад, что ты пришёл.

Кирилл кивнул:

— Представь, что этот офис — это лифт, в котором можно не торопиться. Здесь не нужно быть идеальным, чтобы иметь право находиться. Здесь можно быть просто... настоящим.

Игорь посмотрел на табличку ещё раз. Потом осторожно провёл пальцем по буквам, будто проверял, настоящие ли они. И вдруг фыркнул — сначала тихо, потом громче.

— Звучит как бунт, — пробормотал он. — «Извините, я просто живу». Как будто я объявляю миру, что имею право быть.

— А ты имеешь, — спокойно сказала Арина. — И знаешь, в чём парадокс? Чем меньше ты извиняешься за своё существование, тем больше у тебя остаётся сил на что-то понастоящему важное. На работу, на заботу о близких, на то, чтобы иногда просто посидеть и посмотреть, как за окном дождь рисует узоры на стекле.

Кирилл улыбнулся:

— Иногда самое сложное — это не решить большую проблему. Самое сложное — разрешить себе просто быть, не оправдываясь. И это, кстати, тоже работа. Тяжёлая. Потому что привычка извиняться за каждый вдох въедается глубоко.

Игорь ещё раз посмотрел на табличку. Потом поднял глаза на них обоих — и в этом взгляде было столько благодарности, сколько бывает у человека, которому впервые разрешили не быть виноватым.

— Можно я её заберу? — спросил он. — Не навсегда. Просто... пока мне нужно напоминать.

Арина кивнула:

— Конечно. Пусть она стоит у тебя на столе. И когда в следующий раз захочется извиниться за то, что ты просто вошёл в комнату, — посмотри на неё. И скажи себе: «Я имею право здесь быть».

Он улыбнулся — неуверенно, но искренне.

— Спасибо, — начал Игорь и тут же спохватился: — Ой. То есть... я не извиняюсь. Я правда благодарен.

Кирилл и Арина переглянулись и улыбнулись друг другу — теми улыбками, которые не требуют слов, потому что слова уже сказаны.

Глава 2. «Как научить человека принимать спасибо»

На следующий день Игорь пришёл снова. На этот раз он не сжимал папку, как спасательный круг, но всё равно вы-

глядел так, будто ждал, что вот-вот прозвучит сигнал тревоги и его попросят немедленно исчезнуть. На нём был тот же костюм, но теперь он будто пытался носить его чуть свободнее — словно тренировался не быть таким тугим.

Арина, не поднимая глаз от своего блокнота, где она за чем-то рисовала схемы из кружочков и стрелочек, буркнула:

— Ты опять извиняться пришёл? Если да, то у меня в ящике ещё одна табличка, но на ней написано: «Я просто здесь, и это нормально». И она чуть менее милая.

Игорь нервно хихикнул и сел.

— Нет, — сказал он. — То есть... я постараюсь не извиняться. Честно. Просто... я вчера вечером табличку на стол поставил. И жена спросила: «Это что, новая мантра?» А я не знал, что ответить.

Кирилл, который как раз пытался налить себе чай из чайника, у которого крышка никак не хотела держаться ровно, хмыкнул:

— Это уже прогресс. Раньше ты бы сказал: «Прости, что вообще что-то ставлю на стол».

— Именно, — подхватила Арина, захлопывая блокнот. — А теперь давай потренируемся в чём-то ещё более страшном, чем просто «я здесь». В том, что люди обычно вообще не умеют: принимать благодарность.

Игорь тут же напрягся, будто услышал команду «приготовься к экзамену по предмету, который ты прогуливал все годы».

— Ну, это просто, — пробормотал он. — «Да ладно, ерунда», «Не за что», «Да я ничего и не сделал»...

Арина подняла бровь:

— Вот именно. Ты не принимаешь. Ты отбиваешь. Как будто благодарность — это мяч, который летит прямо в лицо, и ты рефлекторно его отшвыриваешь, чтобы не ударило.

Кирилл наконец справился с крышкой и сел напротив Игоря.

— Смотри, — сказал он спокойно. — Есть такая игра. Простая. Каждый раз, когда кто-то говорит тебе «спасибо», ты отвечаешь только: «Пожалуйста». И всё. Никаких дополнений. Никаких «да пустяки», никаких «я просто нажал кнопку». Только «пожалуйста».

Игорь поморщился, будто ему предложили съесть лимон целиком.

— Звучит... невыносимо, — признался он. — Как будто я принимаю это на свой счёт. Как будто соглашаюсь, что я молодец. А если я не молодец? А если это правда пустяк?

Арина пожала плечами:

— А если это не пустяк? Если для того человека нажать ту самую кнопку — это было важно? И если ты скажешь «пожалуйста», ты не берёшь на себя звание «герой года». Ты просто говоришь: «Я услышал твою благодарность. Спасибо, что её дал». Это не обязательство. Это вежливость. И ещё — это уважение к тому, кто благодарит.

Кирилл кивнул:

— Благодарность — это подарок. А когда тебе дарят подарок, странно говорить: «Да не надо, я и так бы это сделал». Ты тем самым как будто говоришь человеку: «Твоя радость от моего поступка — не важна».

Игорь задумался. Потом тихо сказал:

— Я никогда об этом не думал. Я просто... боялся, что если приму «спасибо», то потом от меня будут ждать ещё. Что планка поднимется.

Арина мягко улыбнулась:

— Знаешь, планка поднимается не от того, что ты принял благодарность. Она поднимается, когда ты сам решаешь: «Теперь я должен быть ещё лучше». А благодарность — она про «спасибо за то, что уже сделано». Не про «сделай ещё».

Чтобы закрепить идею, Арина устроила минитренинг прямо в офисе. Она вставала, подходила к Игорю и говорила:

— Спасибо, Игорь, что пришёл.

Он вздыхал, морщился, а потом выдавливал:

— Пожалуйста.

— Спасибо, что не извинился за то, что дышишь.

— Пожалуйста, — уже чуть спокойнее.

— Спасибо за то, что ты такой... старательный.

Тут он запнулся, покраснел, но всё-таки сказал:

— Пожалуйста.

Кирилл наблюдал за этим и улыбался.

— Видишь? — тихо сказал он. — Это как учиться стоять на одной ноге. Сначала шатает. Потом привыкаешь.

Арина достала из ящика стола маленький деревянный кубик, на каждой стороне которого было написано по одному слову: «Спасибо», «Пожалуйста», «Я стараюсь», «Это важно», «Ты молодец», «Я слышу».

— Держи, — сказала она Игорю. — Пусть лежит у тебя на столе. Когда кто-то скажет «спасибо», покрути кубик. И скажи то слово, которое выпадет. Но только одно. Без дополнений.

Игорь взял кубик, покрутил в руках. Он был тёплый, гладкий, будто его много раз держали в руках другие люди, которым тоже было непросто.

Вечером Игорь сидел на кухне, а жена наливала чай.

— Спасибо, что сегодня пораньше пришёл, — сказала она. — Я как раз пирог допекла.

Игорь замер. В голове привычно всплыло: «Да ладно, я ничего не сделал, просто вышел из офиса на пять минут раньше». Но вместо этого он выдохнул и сказал:

— Пожалуйста.

Жена посмотрела на него с лёгким удивлением.

— Что-то случилось? — спросила она.

Игорь улыбнулся:

— Да. То есть... нет. Просто я учусь не отмахиваться.

Она поставила перед ним кусок пирога, чуть наклонила голову:

— Ладно. Тогда я скажу ещё раз: спасибо, что ты здесь.

И он снова сказал:

— Пожалуйста.

И в этот раз в этих двух слогах было не напряжение, а что-то похожее на спокойствие. Будто он наконец позволил себе услышать, что его ценят.

На работе на следующий день всё шло как обычно: дедлайны, письма, звонки. Но когда коллега сказал: «Спасибо, что скинул файл вовремя», Игорь не успел привычно отмахнуться. Он вспомнил кубик, вспомнил табличку, вспомнил слова Арины про «не отбивать мяч». И сказал:

— Пожалуйста.

Коллега на секунду замер, будто услышал что-то неожиданное, а потом улыбнулся:

— Слушай, приятно, когда человек просто принимает «спасибо». Как будто ты правда сделал что-то хорошее, и это не ерунда.

Игорь тоже улыбнулся. И впервые за долгое время почувствовал, что он не обязан быть невидимым. Что можно быть заметным — и это нормально.

Когда вечером он снова пришёл к Кириллу и Арине, он не извинялся за то, что пришёл. Он просто сел и сказал:

— Сегодня у меня получилось. Несколько раз. Просто «пожалуйста». И знаешь... мир не рухнул. Никто не сказал: «О, ты молодец, теперь сделай в десять раз больше».

Арина кивнула, будто знала это заранее:

— Потому что благодарность — это не аванс. Это оплата за уже сделанное. И когда ты её принимаешь, ты не под-

писываешься на новые обязательства. Ты просто говоришь: «Да, я это сделал. И я рад, что это кому-то помогло».

Кирилл тихо добавил:

— И знаешь, в чём ещё философия? Мы так боимся быть замеченными, что даже благодарность воспринимаем как угрозу. А на самом деле она — как свет в окне: не слепит, а показывает, что ты не в темноте.

Игорь посмотрел на кубик, который положил на стол. На верхней грани было слово «Я слышу». Он улыбнулся.

— Кажется, я начинаю слышать, — сказал он. — И это... приятно.

Глава 3. «Офис, который сегодня притворяется автобусной остановкой»

Когда Игорь вошёл, он сначала подумал, что ошибся дверью. Потому что вместо переговорной с покосившейся ножкой стола и растением оптимистом он увидел... автобусную остановку. С настоящими скамейками (одна чуть шаталась, будто специально, чтобы не дать сидеть слишком расслабленно), с расписанием, где строчки то появлялись, то исчезали, будто кто-то невидимый постоянно переписывал маршруты, и с урной, в которую Арина как раз кинула скомканный листок и тут же пробормотала:

— Прости, я не хотела. Просто он был такой бессмысленный.

Игорь замер, оглядываясь.

— Это... новая концепция? — осторожно спросил он. — Или я что-то пропустил?

Кирилл, который сидел на скамейке и делал вид, что изучает расписание, пожал плечами:

— Суд Переходов сегодня решил, что тебе больше подойдёт остановка, а не офис. Тут не требуют держать спину ровно и выглядеть так, будто ты прямо сейчас решаешь судьбу

мира.

Арина кивнула, подошла к Игорю и протянула стакан воды.

— Это не награда, — сказала она. — Это просто вода. Пей, если хочется. Не надо думать, что за неё придётся потом что-то особенное сделать.

Игорь взял стакан. И вдруг понял, что в этом «просто вода» было что-то невероятно редкое. В его обычной жизни ничего не было «просто»: даже стакан воды был либо «я тебе налью, а ты потом поможешь с отчётом», либо «спасибо, но давай я тебе что-то взамен», либо «не хочу отвлекать, сам налью».

Он сделал глоток. Вода была обычной, комнатной температуры, без лимона, без газа, без скрытого смысла. И от этого она казалась почти волшебной.

— Садись, — кивнул Кирилл на скамейку. — И не жди, что сейчас начнётся лекция. Сегодня у нас день, когда можно просто сидеть.

Игорь сел. Сначала поделовому, на самый краешек, будто в любую секунду был готов вскочить и побежать. Потом Арина тихо сказала:

— Если скамейка начнёт шататься — это нормально. Это она так напоминает, что не надо держаться слишком крепко.

Он чуть сполз на середину. И замер.

В офисе всегда был какой-то фоновый шум: принтер, уведомления, чьи-то голоса. Здесь тоже был шум, но другой: да-

лёкий гул города, будто где-то ехал невидимый автобус, и редкие шаги прохожих, которые не смотрели на Игоря, не оценивали, не ждали от него ответа на письмо.

Кирилл достал из кармана маленький бумажный пакетик с семечками.

— Не для диеты, — пояснил он. — Просто чтобы было чем занять руки. Когда руки заняты ерундой, голова иногда перестаёт гонять важные мысли.

Игорь хмыкнул, взял пару семечек, очистил, положил в рот. Хруст прозвучал неожиданно громко — и както очень честно.

— Знаешь, — тихо сказала Арина, присаживаясь рядом, — мы все так привыкли кудато бежать, что даже отдых воспринимаем как задачу. «Надо отдохнуть». «Надо расслабиться». И от этого становится только напряжённее.

Игорь посмотрел на расписание. Одна строчка вдруг проявилась чётко: «Маршрут Не надо никуда — прибывает вовремя». Он фыркнул.

— Это вы специально написали? — спросил он.

Кирилл улыбнулся:

— Нет. Это остановка сама решает, что тебе сейчас нужнее. Видишь, она знает, что ты столько лет ездил по всем маршрутам сразу. И сегодня говорит: «Остановись. Хоть на пять минут».

Игорь снова посмотрел на расписание. Строчка про «Не надо никуда» осталась. И почему-то от этого стало легче. Как

будто кто-то наконец официально разрешил ему не бежать.

Мимо остановки прошла женщина с собакой. Собака остановилась, посмотрела на Игоря, будто проверяя, всё ли с ним в порядке, вильнула хвостом и пошла дальше.

— Даже собака не торопится, — пробормотал Игорь.

Арина улыбнулась:

— Вот именно. В мире полно существ, которые не живут по дедлайнам. Кошки, собаки, деревья, облака. Они просто есть. И мир от этого не рушится. Наоборот, становится красивее.

Кирилл кивнул:

— Иногда самое важное, что ты можешь сделать, — это не принять решение, не написать письмо, не поставить галочку. А просто посидеть на скамейке, погрызть семечки и посмотреть, как мир живёт без твоего постоянного участия. И он живёт. И всё у него нормально.

Игорь глубоко вдохнул. И впервые за долгое время почувствовал, что воздух не нужно вдыхать «между делами». Его можно просто вдыхать.

Через какое-то время (Игорь не смотрел на часы — впервые за годы) к остановке будто бы действительно подкатил невидимый автобус. Он не засигналил, не потребовал билета, не торопил. Он просто мягко замер рядом, как будто говорил: «Если хочешь — поезжай дальше. Если хочешь — останься ещё на минуту».

И Игорь остался.

Арина достала из сумки яблоко, откусила, протянула Игорю половину.

— Без обязательств, — сказала она. — Просто половина яблока.

Он взял. И вдруг понял: это и есть то самое, чего ему так не хватало. Не грандиозных перемен, не прорывов, не «я всё исправлю». А маленьких, простых вещей, которые не требуют ничего взамен. стакан воды. Горсть семечек. Половина яблока. Скамейка, которая чуть шатается.

— Я столько лет думал, что если я хоть на минуту перестану бежать, всё развалится, — тихо сказал он. — А оно... не разваливается.

Кирилл мягко улыбнулся:

— Оно не разваливается. Оно просто продолжает жить. А ты можешь жить вместе с ним — не впереди, не позади, а рядом.

Арина посмотрела на расписание. Строчка «Маршрут Не надо никуда» начала бледнеть, будто её время истекло.

— Автобус уходит, — спокойно сказала она. — Но ты можешь выйти на следующей остановке. Или на той, что после. Главное — помнить, что остановки существуют. И ты имеешь право на них садиться.

Игорь встал. Не резко, не вскакивая, как по тревоге, а спокойно, будто теперь у него было право двигаться в своём темпе.

— Спасибо, — сказал он. И на этот раз не добавил «за

что» и не попытался свести всё к пустяку. Просто «спасибо».

Арина чуть наклонила голову:

— Пожалуйста.

И в этом «пожалуйста» не было лекции, не было задания, не было плана на следующий час. Только тихое признание: «Ты посидел. Ты остановился. И это уже много».

Глава 4. «Тень, которая шепчет: Ты имеешь право»

Офис Суда Переходов сегодня решил притвориться не автобусной остановкой, а старой библиотекой: полки до потолка, книги, которые будто сами собой меняли названия на корешках, и мягкий свет, который не требовал от человека быть ярким. На столе у Кирилла лежала стопка бумаг, а сверху — скрепка, изогнутая так, будто она пережила бурю в ящике стола и всё равно осталась на посту.

Игорь сел, привычно подтянув к себе невидимый щит из «надо всё сделать идеально». Арина это заметила — она вообще замечала такие вещи: не по словам, а по тому, как человек держит плечи, будто на них лежит невидимый рюкзак с надписью «Ответственность. Не снимать».

— Ты опять сидишь так, будто через минуту тебя вызовут на экзамен по идеальности, — сказала Арина, не поднимая глаз от чашки, в которой чай уже остыл, но она всё равно его грела ладонями. — Расслабься. Здесь не ставят оценки.

— Легко сказать, — буркнул Игорь. — А если я расслаблюсь, то сделаю хуже. А если сделаю хуже, то... ну, сам понимаешь.

Кирилл откинулся на стуле, и тот тихо скрипнул, будто

тоже устал от перфекционизма.

— Знаешь, — сказал он, — идеальная скрепка ничем не лучше вот этой. — Он постучал пальцем по той самой изогнутой скрепке. — Она всё равно скрепляет. Ей не нужно быть безупречно ровной, чтобы держать листы вместе.

Игорь посмотрел на скрепку, как на философский трактат.

— Это какая-то метафора? — спросил он.

Арина хмыкнула:

— Да. Очень приземлённая. Про скрепку. Потому что иногда самые важные вещи — не про великие свершения, а про то, что ты просто делаешь своё дело, и оно работает. Даже если не блестяще.

В этот момент в углу комнаты, там, где тень от книжного шкафа ложилась на пол, будто сгустившись, появилась Тень. Не страшная, не зловещая, а скорее... уставшая. Как человек, который слишком долго нёс чужую вину.

Она не выросла до потолка и не загрохотала голосом судьбы. Она просто тихо сказала, почти шёпотом, так, что услышал только Игорь:

— Ты имеешь право не быть идеальным.

Игорь вздрогнул. Потом медленно кивнул, будто наконец услышал то, что давно хотел услышать, но боялся поверить.

— Звучит как государственная гарантия, — пробормотал он. — «Право на неидеальность. Выдано пожизненно».

Кирилл улыбнулся:

— Именно. Идеальность — это ловушка. Она не даёт тебе просто хорошо сделать свою работу и порадоваться этому. Ты думаешь: «Если не идеально — значит, зря». А мир устроен иначе: «Хорошо» — это уже победа. «Достаточно хорошо» — это тоже победа. И да, она не золотая медаль, но зато настоящая.

Арина встала, подошла к полке, сняла книгу с названием, которое только что появилось: «Как не сойти с ума, пытаюсь всё сделать правильно». Открыла её наугад и прочитала вслух:

— «Идеал — это горизонт. Ты можешь к нему идти, но он не станет ближе. Зато по дороге ты можешь пропустить всё, что уже хорошее».

Игорь фыркнул, потом вздохнул, потом вдруг признался:

— Я вчера отчёт сдавал. И там была одна цифра, которую я три раза пересчитывал. Потому что боялся, что если будет ошибка, меня... ну, перестанут считать надёжным.

Тень чуть шевельнулась, как будто устраивалась поудобнее, и снова шепнула:

— Ты и так надёжный. Надёжность — это не про отсутствие ошибок. Надёжность — это про то, что если ошибка случится, ты её заметишь и исправишь.

Игорь замер, будто эти слова легли прямо в ту часть его души, которая годами слышала только «будь лучше».

— Странно, — тихо сказал он. — Я столько лет думал, что надёжность — это когда вообще нет ошибок. А оказы-

вается...

— А оказывается, — подхватила Арина, — надёжность — это когда ты не прячешься от ответственности, если что-то пошло не так. И когда ты не требуешь от себя быть машиной.

Кирилл кивнул:

— Идеальная машина не устаёт. Но ты — не машина. Ты человек. И у человека есть право на усталость, на ошибку, на «сегодня я сделал достаточно».

Тень снова шевельнулась и будто чуть растворилась, оставив после себя не страх, а лёгкое тепло, как от чашки чая, которую держали в ладонях, пока она не остыла.

На следующий день Игорь сидел на совещании. Его попросили прокомментировать один из слайдов. Он посмотрел на цифру, которую вчера трижды пересчитывал, и вдруг понял: она не обязана быть идеальной. Она обязана быть честной. И если в ней ошибка — он её увидит и поправит. Не потому что боится, а потому что он ответственный.

Он поднял голову и спокойно сказал:

— Тут цифра может быть неточной. Давайте перепроверим. Я вчера три раза считал, но лучше ещё раз убедиться.

Коллеги не посмотрели на него с осуждением. Наоборот, один из них кивнул:

— Спасибо, что заметил. Я тоже сомневался. Давай вместе глянем.

И Игорь вдруг почувствовал, как с плеч сползает тот самый невидимый рюкзак. Не весь сразу, но хотя бы на пару

килограммов легче.

Вечером он снова пришёл к Кириллу и Арине. На этот раз не с виноватым видом, а с каким-то новым выражением лица — будто он разрешил себе не быть безупречным и от этого стал чуть свободнее.

— Сегодня я не пытался быть идеальным, — сказал он. — И мир не рухнул. Более того... мне даже показалось, что работать стало легче.

Арина улыбнулась:

— Вот видишь. Когда ты перестаёшь тратить силы на то, чтобы казаться безупречным, у тебя остаются силы на то, чтобы просто хорошо делать своё дело.

Кирилл тихо добавил:

— И знаешь, в чём ещё штука? Идеал — это не цель. Это иллюзия, которая мешает видеть реальные достижения. А реальные достижения — они вот такие: ты заметил ошибку. Ты сказал о ней. Ты помог её исправить. Это не «почти идеально». Это по-настоящему хорошо.

Игорь кивнул. И в его глазах было не напряжение, а что-то похожее на облегчение.

— Я, наверное, ещё буду срываться, — признался он. — Снова начну думать: «Надо лучше, надо быстрее, надо без ошибок».

Арина спокойно посмотрела на него:

— И это нормально. Привычка быть идеальным не исчезает за один вечер. Но теперь у тебя есть Тень. Или не Тень.

Пусть будет твой внутренний голос, который тихо говорит: «Ты имеешь право не быть идеальным». И если вдруг станет тяжело — вспомни про скрепку. Она кривая, но держит.

Глава 5. «Письмо, которое не нужно отправлять»

Суд Переходов сегодня решил притвориться не библиотекой и не автобусной остановкой, а старой квартирой из детства — с чуть скрипучим паркетом, с подоконником, на котором можно сидеть, болтая ногами, и с настольной лампой, которая светила не слишком ярко, зато очень подомашнему. На столе лежала стопка бумаги, а сверху — ручка, у которой колпачок никак не хотел защёлкиваться: будто и она устала от идеальных формулировок и хотела просто писать, как получится.

Арина подвинула бумагу к Игорю.

— Напиши всем, перед кем ты чувствуешь вину, — спокойно сказала она. — Каждого по строчке. Не надо оправдываться. Просто: «Прости, что...» или «Мне жаль, что...». И не отправляй. Это письмо не для них. Это для тебя — чтобы вытащить вину из головы и положить на бумагу. Там ей будет спокойнее.

Игорь посмотрел на лист так, будто это был бланк для признания в самом страшном преступлении.

— А если я напишу, и станет только хуже? — пробормотал он. — Если я всё это вытащу, а потом не смогу обратно

спрятать?

Кирилл, который как раз пытался починить лампу (и делал это без особого успеха — она то гасла, то вспыхивала, как нервная лампочка в коридоре), хмыкнул:

— Знаешь, вина — как кот, который сидит у тебя на груди по ночам. Пока ты не видишь его, он кажется огромным и страшным. А когда ты включаешь свет и видишь: ну, кот и кот, пушистый, но тяжёлый, — он сразу становится чуть меньше. Бумага — это и есть свет.

Арина кивнула:

— И ещё: не пытайся писать красиво. Пусть будет коряво. Пусть будет «я не успел», «я забыл», «я сорвался». Главное — честно.

Игорь взял ручку. Колпачок снова соскочил и укатился под стол. Кирилл молча наклонился, достал его и положил рядом, не пытаясь «сделать правильно».

— Пусть лежит, — сказал он. — Сегодня у нас день, когда можно быть неидеальным даже с колпачками.

Игорь вздохнул, придвинул лист и начал писать. Сначала медленно, будто каждое слово приходилось выцарапывать из себя.

«Прости, Лена, что сорвался на совещании. Я просто устал и не знал, как сказать». «Прости, мама, что редко звоню. Не потому что не думаю о тебе, а потому что боюсь, что разговор превратится в отчёт о моих неудачах». «Прости, Дима, что не помог с дедлайном. Я думал, что если помогу,

то сам всё проваляю».

Он писал, комкал, выбрасывал, снова писал. Арина не смотрела через плечо — она вообще делала вид, что занята: перебирала какие-то бумажки, иногда вздыхала, иногда бормотала: «Ну вот, опять всё перепуталось». Будто и ей было важно показать: здесь не судят за черновики.

Кирилл тем временем наконец смирился с лампой и просто поставил её так, чтобы свет падал на угол стола, а не в глаза.

— Знаешь, — тихо сказал он, — самое трудное в таких письмах — не первые строчки. Самое трудное — последняя. Та, которую ты пишешь себе.

Игорь замер. Потом медленно вывел:

«Прости меня, я слишком строго к себе отношусь. Я старался. Этого достаточно».

Он перечитал. И вдруг почувствовал, как внутри что-то чуть-чуть расслабилось — будто он наконец признал: да, я не справился идеально, но я старался. И это не ноль. Это не «ничего». Это что-то.

Арина, будто почувствовав этот момент, тихо сказала:

— Теперь можешь порвать. Или оставить. Или сжечь в воображаемом камине. Но главное — ты это сказал. Не кому-то, кто может обидеться или не поверить, а себе. И ты услышал.

Игорь аккуратно сложил лист пополам. Не идеально ровно, а как получилось.

— Я его не порву, — сказал он. — Пусть полежит. Как

напоминание, что я могу быть к себе добрее.

Кирилл улыбнулся:

— Это самое правильное место для таких писем. Не в мусорке. А в кармане. Чтобы в следующий раз, когда внутренний голос начнёт шептать «ты опять всё испортил», ты мог достать и сказать: «А ещё я старался. И этого достаточно».

На следующий день Игорь сидел в своём офисе, и внутренний критик привычно завёлся: «Ты опоздал на пять минут. Ты не успел до обеда ответить на все письма. Ты не сделал всё, что хотел». Игорь уже потянулся привычно ругнуть себя, но вдруг вспомнил про сложенный лист в кармане. Он не стал доставать его — просто на секунду прикрыл глаза и тихо сказал про себя: «Я старался. Этого достаточно». И критика как будто чутьчуть сбавила громкость.

А вечером он позвонил маме. Не с отчётом о том, как всё хорошо, а просто:

— Мам, привет. Ничего особенного не случилось. Просто хотел услышать твой голос.

Мама рассмеялась:

— Ну наконецто. А то я уже думала, ты звонишь только когда надо сказать, что тебя повысили или что ты купил новую куртку.

Игорь улыбнулся. И впервые за долгое время не почувствовал вины за то, что «просто так».

Когда он снова пришёл к Кириллу и Арине, он не выглядел так, будто вотвот развалится от тяжести всех своих «на-

до».

— Сегодня я не пытался быть безупречным, — признался он. — И даже написал одно письмо. Которое не отправил. Но мне стало легче.

Арина чуть наклонила голову, как делают люди, которые умеют слушать не ушами, а всем телом:

— Иногда прощение начинается не с извинений перед другими. Иногда оно начинается с признания себе: я старался. И этого достаточно.

Кирилл тихо добавил:

— Мы так привыкли ругать себя за то, что не сделали, что забываем похвалить за то, что сделали. А ведь каждый день — это не только «не успел». Это ещё и «успел». «Помог». «Не сорвался». «Позвонил». «Сделал, как смог».

Игорь кивнул. И в этом кивке было не напряжение, а что-то похожее на принятие.

Глава 6. «Женщина, которая боялась счастья»

Суд Переходов сегодня решил притвориться не библиотекой, не остановкой и даже не квартирой из детства, а старой кондитерской, где пахло ванилью, корицей и чем-то ещё — будто там специально хранили запах «всё будет хорошо». На прилавке стояли три пирожных: одно слишком пышное, второе слишком аккуратное, третье — с чуть покосившимся кремом, будто оно знало, что идеальность переоценена.

В дверь вошла Марина — в пальто, которое застёгивалось на все пуговицы, даже когда в комнате было тепло, и с лицом,

на котором улыбка держалась ровно столько, сколько нужно, чтобы не показаться невежливой.

— Я не за радостью, — сразу сказала она, будто боялась, что её неправильно поймут. — Я просто... хотела понять, можно ли вообще не бояться радоваться.

Арина, которая как раз пыталась удержать в руках блюдо (оно норовило выскользнуть, как будто тоже было немного тревожным), спокойно кивнула:

— Можно. Но не сразу. Сначала можно просто не пугаться, когда радость случайно случается. Как когда на улице выглядывает солнце, и ты не успеваешь спрятаться под капюшон.

Кирилл, сидевший на высоком табурете и выглядевший так, будто он тут не помощник, а постоянный посетитель кондитерской, улыбнулся:

— У нас сегодня эксперимент. Очень простой. Ты позволишь себе одну маленькую радость. И пообещаешь не ждать подвоха. Никаких «но потом...». Никаких «а вдруг...». Просто: «Сейчас мне хорошо».

Марина нахмурилась, будто это звучало как предложение нарушить важное правило жизни.

— Это звучит опасно, — пробормотала она. — Я столько лет жила по принципу: «Не радуйся раньше времени». И если я сейчас скажу «мне хорошо», мне кажется, что я как будто бросаю вызов судьбе.

Арина наконец справилась с блюдцем, поставила его и по-

смотрела на Марину не с сочувствием, а с пониманием — как на человека, который долго ходил в тяжёлых ботинках и теперь не верит, что можно надеть что-то мягкое.

— Знаешь, — тихо сказала она, — страх радости — это страх потери. Мы думаем: если я сейчас порадуюсь, значит, я привязался, а значит, потом будет больно. Это логика выживания. Она была полезной, когда нужно было остерегаться хищников. Но сейчас она мешает просто съесть пирожное и сказать: «Оно вкусное».

Кирилл кивнул:

— Давай начнём с пирожного. Не с победы года. Не с исполнения мечты. С пирожного. Выбери любое. Даже то, у которого крем немного покосился.

Марина посмотрела на пирожные. И вдруг хихикнула — тихо, будто сама испугалась, что рассмеялась.

— Ладно, — сказала она. — Возьму то, с покосившимся кремом. Пусть будет моим символом борьбы с перфекционизмом.

Она откусила кусочек. Сначала осторожно, будто проверяла, не взорвётся ли оно. Потом чуть смелее. И наконец выдохнула:

— Вкусно. Очень.

Кирилл улыбнулся:

— А теперь скажи: «Мне сейчас хорошо». Без «но». Без «пока». Просто: «Мне сейчас хорошо».

Марина замерла. Слова будто застряли где-то в горле, как

что-то давно запрещённое.

— Мне... — начала она, запнулась, потом выдохнула и сказала твёрже: — Мне сейчас хорошо.

И тут ничего не случилось. Не зазвонил тревожный колокол. Не потемнело небо. Не пришло письмо с плохими новостями. Просто в комнате пахло ванилью, и Марина доедала пирожное, и ей действительно было хорошо.

Арина тихо сказала:

— Видишь? Радость не обязана быть предвестником беды. Она может быть просто... моментом. Как чашка тёплого чая в холодный день. Никто не приходит следом и не говорит: «Теперь будет холодно в десять раз сильнее».

После встречи Марина шла по улице и вдруг заметила, что не смотрит под ноги, высчитывая, как быстрее добраться до дома. Она смотрела по сторонам. На витрину магазина, где кто-то выставил старые пластинки и гирлянду. На кошку, которая сидела на подоконнике и выглядела так, будто она знает какой-то важный секрет. На свет фонаря, который падал на мокрый асфальт и превращал его в золотую дорожку.

И она поймала себя на том, что улыбается. Понастоящему. Широко. Так, что даже щёки чуть заболели от непривычки.

«Мне сейчас хорошо», — тихо повторила она про себя. И на этот раз не ждала подвоха.

На следующий день она купила себе маленький блокнот и написала на первой странице: «Радости дня». И стала записывать туда совсем простые вещи:

«Кофе был именно такой, как я люблю».

«Соседка улыбнулась мне в лифте».

«Я успела на автобус, и он был не переполнен».

Сначала она ставила рядом с каждой строчкой невидимый знак вопроса, будто проверяя: «А точно можно радоваться этому?» Потом знак вопроса исчез. Осталась просто радость. Маленькая, тихая, но настоящая.

Когда Марина снова пришла к Кириллу и Арине, она не выглядела так, будто ждёт, что вот-вот случится что-то плохое.

— Знаете, — сказала она, доставая блокнот, — я начала записывать радости. И знаете, что самое странное? Их больше, чем я думала. Просто я раньше их не замечала, потому что боялась, что если замечу, то они исчезнут.

Кирилл улыбнулся:

— Радости не исчезают от того, что ты их замечаешь. Наоборот: когда ты их видишь, их становится больше. Это как включать свет в тёмной комнате. Ты не создаёшь предметы — ты просто начинаешь их видеть.

Арина кивнула:

— И ещё: ты не обязана радоваться громко. Можно радоваться тихо. Можно просто подумать: «Сегодня день был неплохой». Этого достаточно.

Марина закрыла блокнот, провела пальцем по обложке, будто проверяя, что он настоящий.

— Спасибо, — сказала она спокойно, без напряжения. — Теперь я не боюсь сказать: «Мне хорошо». И мир от этого

не рушится.

Глава 7. «Радость размером с конфету»

Суд Переходов сегодня решил притвориться не кондитерской, а старой уютной кухней, где чайник свистит по-домашнему, а на столе лежит одна-единственная конфета — в простенькой обёртке, без золотых лент и пафоса, зато с честной надписью «Просто конфета. Без обязательств».

Марина села, посмотрела на конфету и вздохнула так, будто перед ней лежала не сладость, а экзаменационный билет по предмету, который она не учила.

— Знаешь, — сказала Арина, не глядя на конфету, а глядя прямо на Марину, — у многих людей к удовольствию идёт длинный список условий. «Можно, но только после работы». «Можно, но не сегодня». «Можно, но если потом я сделаю десять полезных дел». Как будто радость — это кредит, за который обязательно придётся платить.

Кирилл, который как раз пытался налить чай так, чтобы ни одна капля не упала мимо чашки (и у него почти получалось), хмыкнул:

— А мы сегодня пробуем радость без условий. Одна конфета. И никаких «потом». Никаких «зато». Просто: сейчас ты её съешь, почувствуешь вкус и скажешь: «Это было вкус-

но». И всё. Мир не потребует расплаты.

Марина покосилась на конфету, будто та могла внезапно отрастить зубы и укусить её за чувство вины.

— Я столько лет училась не радоваться, — тихо призналась она. — Сначала потому что «не заслужила», потом потому что «потом будет плохо», потом просто по привычке. Теперь даже конфета кажется... опасной.

Арина чуть наклонила голову:

— Тогда давай сделаем её безопасной. Давай договоримся: если в течение часа после конфеты случится хоть что-то неприятное — хоть лампочка перегорит, хоть кофе остынет, — мы официально признаём, что виновата конфета. И больше никогда её не едим.

Марина фыркнула. Потом рассмеялась. И напряжение, которое сидело у неё в плечах, будто чуть сползло вниз, к локтям, и там растворилось.

— Ладно, — сказала она. — Договорились. Если случится беда — виновата конфета.

Она развернула обёртку. Медленно. Не как человек, который торопится получить удовольствие, а как тот, кто впервые видит что-то очень важное.

И положила конфету в рот.

Сначала она застыла, будто прислушиваясь: «Ну, сейчас начнётся. Сейчас судьба поймёт, что я позволила себе лишнее». Но ничего не началось. Только вкус — тёплый, шоколадный, с лёгкой горчинкой, как у воспоминаний, которые

сначала кажутся тяжёлыми, а потом оказываются самыми дорогими.

Марина закрыла глаза. И ела медленно, будто растягивала не конфету, а разрешение быть счастливой.

Когда она проглотила последний кусочек, она открыла глаза и вдруг улыбнулась — широко, свободно, так, будто сбросила с себя пальто, которое было на два размера меньше.

— Мир не рухнул, — тихо сказала она. — Никто не наказал меня за удовольствие.

Кирилл улыбнулся:

— Потому что удовольствие — это не преступление. Это просто часть жизни. Как воздух. Как дождь. Как тот момент, когда ты садишься на диван после долгого дня и понимаешь: «Я дома».

Арина кивнула:

— И знаешь, в чём ещё штука? Когда мы годами запрещаем себе маленькие радости, мы не экономим силы. Мы тратим их на то, чтобы держать этот запрет. На то, чтобы следить: «Не радуйся. Не расслабляйся. Будь готова к худшему». А когда ты позволяешь себе одну конфету без условий, ты возвращаешь себе немного энергии. Той самой, которую раньше тратила на страх.

Марина посмотрела на пустую обёртку, аккуратно сложила её и положила рядом, как будто это был не мусор, а доказательство чего-то важного.

— Я чувствую себя... странно, — призналась она. — Как

будто я сделала что-то революционное. Съела конфету. И выжила.

Кирилл хмыкнул:

— Иногда самые большие революции начинаются с маленьких вещей. С одной конфеты. С одного «мне сейчас хорошо». С одного вечера, когда ты не проверяешь телефон каждые пять минут.

После встречи Марина шла по улице, и город казался ей чуть ярче, чем обычно. Не потому что зажглись новые фонари, а потому что она сама стала видеть чуть больше.

В магазине она остановилась у полки с конфетами. Протянула руку, потом отдернула: старая привычка шептала: «Не надо. Это лишнее. Это вредно. Это потом аукнется». Но потом она вспомнила кухню Суда Переходов, пустую обёртку на столе и слова Арины про «радость без условий».

И купила одну конфету. Не огромную коробку, не в подарок, а просто одну. Для себя.

Дома она села на подоконник, развернула её и съела так же медленно, как в Суде Переходов. И когда вкус растаял, она тихо сказала вслух:

— Мне было вкусно. И это нормально.

И ничего плохого не случилось. Только кошка пришла, потерлась о ногу, будто одобряла этот маленький бунт против чувства вины.

На следующий день Марина рассказала об этом подруге, которая сразу вздохнула:

— Ой, я бы не смогла. Мне потом стыдно бывает даже за кусочек торта.

Марина улыбнулась:

— Я тоже так думала. А потом поняла: стыд — это не про конфету. Это про то, что мы сами себе запретили быть счастливыми. А я решила, что больше не буду.

Подруга посмотрела на неё с удивлением, будто увидела в Марине что-то новое.

— Ты как будто светлее стала, — сказала она.

Марина пожала плечами, но в этом движении не было скромности, а было тихое признание: «Да. Я позволяю себе быть счастливой. По чуть-чуть. Но каждый день».

Когда Марина снова пришла к Кириллу и Арине, она не выглядела так, будто ждёт подвоха. Она принесла с собой маленькую коробочку, открыла её и достала три конфеты.

— Это вам, — сказала она. — За то, что научили меня не бояться радости.

Арина взяла конфету, улыбнулась:

— Спасибо. Но знаешь, самая большая благодарность — это когда ты сама себе разрешаешь быть счастливой. Даже если это всего лишь конфета.

Кирилл кивнул:

— Радость — это не преступление. Это право, которое мы сами себе запрещаем. И самое трудное — не найти повод для радости. Самое трудное — разрешить себе её принять.

Марина кивнула. И в её глазах было не напряжение, а спо-

койствие человека, который наконец понял: можно просто съесть конфету — и мир от этого не станет хуже. Наоборот, он станет чуть вкуснее.

Глава 8. «Тень, которая смеётся»

Суд Переходов сегодня решил притвориться не кухней, не библиотекой и не автобусной остановкой, а старым уютным кинотеатром: полумрак, мягкие кресла, на подлокотнике — миска с попкорном, а на экране пока ничего нет, только тихий гул, будто мир специально убавил громкость, чтобы можно было услышать что-то важное.

Марина села, привычно подтянув плечи к ушам, как будто даже в этом полумраке кто-то мог её оценить. Арина, которая устроилась рядом и выглядела так, будто ходила в кино только ради того, чтобы сидеть в темноте и ни с кем не разговаривать, тихо сказала:

— Знаешь, иногда счастье кажется таким хрупким, что боишься даже дышать рядом с ним. Как будто если улыбнёшься чуть шире — оно рассыплется, как сухое печенье.

Кирилл, который пытался разложить попкорн поровну, но в итоге просто высыпал его в одну миску и сказал: «Пусть будет общий», хмыкнул:

— А потом оказывается, что счастье — это не сухое печенье. Это скорее... резиновая уточка. Её можно уронить, можно кинуть в ванну, можно случайно задеть локтем — а она всё равно всплывает.

Марина слабо улыбнулась:

— Звучит слишком оптимистично.

И тут, в углу, где тень от проектора ложилась на пол, Тень не стала шептать мрачных пророчеств. Она хихикнула — так по-человечески, будто сама устала от вечного трагизма.

— Ты так серьёзно относишься к счастью, будто оно хрупкое стекло, — сказала Тень. — А оно, знаешь, покрепче. Ему твоя улыбка не повредит. Наоборот, ему от неё даже веселее.

Марина вздрогнула, а потом вдруг рассмеялась — не громко, но искренне, будто ей наконец разрешили не держать лицо.

— Странно, — призналась она. — Я столько лет ходила с выражением лица «я не имею права радоваться», что теперь даже смеяться неловко. Как будто кто-то сейчас скажет: «Эй, ты чего веселишься? У нас дедлайн!»

Арина кивнула:

— Это как носить тесную обувь. Сначала больно, потом привыкаешь, а потом вообще забываешь, что можно ходить босиком. И когда наконец снимаешь — сначала не знаешь, куда девать пальцы. Так и с радостью: ты разучилась ей пользоваться. Но это навык, который можно натренировать.

Кирилл протянул миску с попкорном:

— Давай тренироваться прямо сейчас. Без больших побед. Просто: тебе вкусно?

— Вкусно, — сказала Марина. И на этот раз не добавила «но я, наверное, зря его взяла» или «лучше бы я салат ела». Просто: — Вкусно.

Тень снова хихикнула, будто одобрила.

После сеанса (хотя никакого фильма так и не включили — оказалось, что сегодня сеанс был не про кино, а про то, чтобы посидеть в темноте и не чувствовать себя виноватым за это) Марина шла по улице и вдруг поймала себя на том, что улыбается. Просто так. Не потому что случилось что-то грандиозное, а потому что воздух был свежий, а фонарь светил как-то особенно уютно, а ещё потому, что Тень была права: счастье не разбилось от её улыбки.

Она зашла в маленький магазинчик, купила себе крошечный брелок — смешного кота с надписью «Я тоже иногда ничего не делаю». Продавец улыбнулась:

— Хороший выбор. Он напоминает, что не всё должно быть полезным.

Марина кивнула, сжала брелок в ладони и почувствовала, как внутри становится чуть тише.

Дома она повесила брелок на ключи и подумала: «Сегодня я не пыталась быть серьёзной каждую минуту. И мир не рухнул».

На следующий день она рассказала об этом коллеге, который вечно ходил с лицом «у нас всё горит»:

— Слушай, я вчера просто сидела в полумраке, ела попкорн и не чувствовала себя виноватой. И знаешь что? Я не стала хуже работать. Наоборот, сегодня голова яснее.

Коллега посмотрел на неё, будто увидел инопланетянина:

— Ты что, научилась отдыхать без чувства вины?

Марина улыбнулась:

— Учусь. Это как учиться плавать: сначала боишься, что утонешь, а потом понимаешь, что вода держит.

Когда Марина снова пришла к Кириллу и Арине, она уже не выглядела так, будто ждёт, что вот-вот прозвучит тревожная сирена.

— Знаете, — сказала она, — я поняла одну вещь. Я столько лет боялась радоваться, потому что думала: если я сейчас расслаблюсь, значит, я не готова к удару. А оказалось, что радость — это не слабость. Это... как подушка безопасности. Она не отменяет, что на дороге бывают аварии. Но если авария случится, ты хотя бы не ударишься головой.

Арина тихо улыбнулась:

— Именно. Радость — это не отрицание трудностей. Это ресурс. Это силы, которые ты себе даёшь, чтобы справляться с тем, что будет.

Кирилл кивнул:

— И ещё: счастье не сломается от твоей улыбки. Оно крепче, чем кажется. Оно вообще не из стекла. Скорее уж из резины. Или из чего-то, что умеет гнуться и не ломаться.

Тень, которая снова тихонько устроилась в углу, снова хихикнула:

— Ну вот. Наконец-то ты перестала ходить вокруг счастья на цыпочках. Теперь можно и попрыгать. Если хочется.

Марина рассмеялась. И в этом смехе не было страха. Только лёгкость.

Глава 9. «День без потом»

Суд Переходов сегодня решил притвориться не кино-театром, а маленькой квартирой-мастерской, где всё было немного не на своих местах, но от этого казалось только живее: на подоконнике сушились кисточки, на стуле висела шаль, будто ждала, когда её накинут просто так, не чтобы не замёрзнуть, а чтобы почувствовать уют, а на столе стояла банка с чаем, у которой этикетка чуть отклеилась — как будто эта банка уже много раз согревала чьи-то ладони.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.